

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Н.В. Петров

КГБ и XX съезд КПСС (1954–1960 гг.)

Петров Никита Васильевич – заместитель председателя Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал».

Смерть Сталина и состоявшийся в июле 1953 г. пленум ЦК КПСС положили начало серьезным переменам в отношении правящей партии к аппарату карательной системы. В резолюции пленума говорилось о недопустимости вмешательства органов госбезопасности в деятельность партийных организаций. Выстраивался четкий приоритет партийного руководства: «Партийные организации обязаны взять под систематический и неослабный контроль всю деятельность органов Министерства внутренних дел в центре и на местах» [8, с. 371]. И речь шла не только о перестановке кадров и изгнании из системы МВД¹ лиц из ближайшего окружения Берии. Был предпринят пересмотр основ деятельности органов госбезопасности, ранее ориентированной исключительно на подчинение лично Сталину. Именно в таком духе была выдержана докладная записка в ЦК КПСС министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова и его заместителей И.А. Серова и К.Ф. Лунева от 22 августа 1953 г., в которой сообщалось об организационных мерах в Министерстве по выполнению решений июльского (1953) пленума ЦК КПСС: «Министерство внутренних дел СССР оказывает помощь МВД республик, УМВД краев и областей по подбору и выдвижению на руководящие должности опытных, преданных партии работников, по усилению партийно-политической работы среди чекистов и воспитанию их в духе беззаветной преданности нашей партии, советскому народу, Социалистической Родине. МВД СССР требует от всех руководителей при подборе кадров отрешиться от деляческого подхода,

---

1. В марте 1953 г. были объединены министерства внутренних дел и государственной безопасности в одно Министерство – МВД.

строго соблюдать партийные принципы подбора работников по их политическим и деловым качествам»².

Осенью 1953 г. был намечен курс на сокращение аппарата МВД. В соответствии с указаниями ЦК КПСС министр Круглов направил 20 ноября 1953 г. Г.М. Маленкову и Н.С. Хрущёву предложения по сокращению районного и городского звеньев органов МВД. Всего в стране в тот момент было 4750 городских и районных органов МВД с общей численностью 30 608 работников (штат от четырех до 15 человек в каждом) и стоимость их содержания составляла 451 млн руб. в год³. Круглов предложил сократить их штат на 24 480 работников с экономией 360 млн руб. в год и сохранить отделы МВД лишь в 326 городах, где находились крупные предприятия, и в городах республиканского, краевого и областного подчинения⁴. Речь шла о сокращении именно подразделений, занятых в сфере обеспечения госбезопасности, тогда как органы милиции сохранялись вплоть до районного уровня. Проект постановления о сокращении штатной численности органов МВД и утверждении новой структуры его центрального аппарата был направлен в ЦК КПСС 24 ноября 1953 г.

В конце концов реформирование громоздкого аппарата МВД было проведено по линии сокращения и разукрупнения ведомства. Решение о выделении органов госбезопасности из МВД в самостоятельное ведомство было принято Президиумом ЦК КПСС 8 февраля 1954 г. В его основу легла записка министра внутренних дел Круглова от 4 февраля, в которой говорилось, что «организационное построение Министерства внутренних дел СССР и его органов громоздко и не в состоянии обеспечить должного уровня агентурно-оперативной работы». Предлагалось также «выделить из Министерства внутренних дел СССР оперативно-чекистские управления и отделы и на их базе образовать Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР» [21, с. 19]. В архиве сохранилась лаконичная запись выступлений на заседании Президиума ЦК при обсуждении этого вопроса [20, с. 19–24]. Обсуждение было бурным. Кандидатура Серова на пост председателя КГБ вызвала самые противоречивые оценки. Маленков невольно охарактеризовал Серова как человека, держащего «нос по ветру». Каганович сконцентрировал свое внимание на задачах будущего КГБ, требуя четко наметить линию «на вскрытие действительных врагов и ограждение честных людей», естественно при «верховенстве партийных органов» над КГБ. На заседании дали слово и Круглову, и Серову. Выступление Серова было вполне самокритичным. Он каялся, что «слепо» и «не критически» выполнял указания Берии,

2. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 28. Л. 11.

3. Там же. – Д. 15. Л. 252.

4. Там же.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

«спешил», и тут же сообщил о своей готовности провести чистку рядов госбезопасности – «некоторых из органов удалить», так как они, дескать, «слухи распространяют» [20, с. 19–24].

Казалось бы, решимость Серова вполне устраивала новое руководство страны. Но все же большинству членов Президиума не импонировала сама фигура Серова во главе такого важного ведомства. Каганович продолжал наступать и указывал чекистам на их «пассивность» после судьбоносного июльского пленума 1953 г., и даже в стилистике партийно-хозяйственных активов 1930-х годов вынес Серову приговор: «жидковат, но может укрепиться», приводя в пример Дзержинского. Сулов призвал Серова «укреплять партийность», Микоян утверждал что он «легковат», Булганин высказал мнение, что «Серову труднее будет перестроиться». И даже Хрущёв, казалось бы, безоговорочно поддерживающий Серова, хорошо отзывавшись о его работе на Украине, покритиковал за отсутствие «партийной устойчивости» [там же].

На заседании все как будто согласились с кандидатурой Серова. Но Сулов продолжал гнуть свое: «не все хорошо у Серова»: «свысока относится к партийным органам». Вынес свой вердикт и Первухин. Сообщив, что лучше Серова на должность председателя КГБ никого сейчас не найти, он все же заметил: «грубый, начальника изображает, немножко подхалим». Но беспощадней всех высказался секретарь ЦК КПСС Шаталин, имевший некоторые личные наблюдения в бытность своего кратковременного пребывания в должности 1-го заместителя министра внутренних дел и аккумулировавший мнение руководящих чекистов о Серове: «Я не голосовал бы за Серова. В аппарате отзыв плохой. Мало партийный, карьеристичный. Нос по ветру. Из Германии – натаскал» [там же]. Но голоса Маленкова и Хрущёва оказались решающими, и Серов был утвержден.

Помимо вопроса об организации КГБ на заседании была затронута и тема ГУЛАГа. Здесь также выявились различные подходы к реформированию и общему назначению лагерной системы, находившейся с марта 1953 по январь 1954 г. в ведении Министерства юстиции [7, с. 427, 466]. Не случайно М.З. Сабуров высказал вполне технократическую мысль, что основное назначение лагерей не исправление преступников, а их трудовое использование: «Исправительно-трудовые лагеря – это название, это источник получения рабочей силы». Иного мнения был Ворошилов, полагавший, что главное внимание следует обратить «не на строительство, а на исправление людей». В то же время Хрущёв предложил «вернуться к системе Дзержинского», когда заключенные были заняты на работе на местных мелких предприятиях – «заводики, мастерские», отрицая тем самым необходимость участия заключенных на крупных строительных объектах, а Маленков, видимо недовольный распорядком ГУЛАГа по различным хозяйственным ведомствам, вполне

определенно заявил: «лагеря – не наш идеал» и подтвердил уже принятое решение о передаче ГУЛАГа вновь в МВД [7, с. 466].

Состоявшееся 8 февраля 1954 г. заседание Президиума ЦК КПСС было, пожалуй, важнейшим в процессе реформирования складывавшейся десятилетиями сталинской системы карательных органов. В итоге в решении было записано два поручения. Первое – секретарю ЦК КПСС Шаталину и министру внутренних дел Круглову по линии МВД и второе – секретарю ЦК КПСС Сулову и первым заместителям министра внутренних дел Серову и Луневу по линии КГБ в пятидневный срок подготовить проекты соответствующих постановлений «с учетом обмена мнениями на Президиуме ЦК»⁵.

Но только через месяц Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 г. был образован КГБ при СМ СССР, а его председателем был назначен Серов. Согласно решению ЦК, на КГБ возлагалась главная задача: «В кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берии в органах государственной безопасности и добиться превращения органов государственной безопасности в острое оружие нашей партии, направленное против действительных врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей».

В партийном понимании это означало преимущественную реабилитацию пострадавших от Сталина коммунистов. Президиум ЦК КПСС 4 мая 1954 г. рассмотрел вопрос «О пересмотре дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении». Были созданы Центральная и местные комиссии по пересмотру дел (по реабилитации, как потом чаще называли). В состав Центральной комиссии, конечно же, вошел председатель КГБ Серов [22, с. 116–117].

Весной 1954 г. Серов готовился к проведению Всесоюзного совещания руководящих работников КГБ, где следовало разъяснить новые задачи «органов» и их роль и место в советской системе. Текст своего доклада на предстоящем совещании Серов 6 мая 1954 г. направил для согласования секретарям ЦК КПСС Шаталину и Пospelову. В доклад был включен и пассаж о разоблачении Берии:

«Как видите, Президиум Центрального Комитета нашей партии бдительно следил за вражескими замыслами Берия и его сообщников и в нужный момент отрубил кровавые руки Берия и его шайке, посягнувших на нашу партию, на наше социалистическое государство.

---

5. РГАНИ. Решение Президиума ЦК КПСС П50/П от 8 февраля 1954 г.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Президиум ЦК КПСС настолько четко, уверенно и главное своевременно обезвредил Берия, что нам, чекистам, нужно поучиться той оперативности и организованности, которая была проявлена в этом деле Президиумом ЦК.

Этой заслуги членов Президиума ЦК КПСС перед партией, перед народом никогда не забудут наши советские люди и будут с чувством глубокой благодарности и признательности называть имена товарищей Маленкова, Хрущёва, Молотова, Булганина и других»⁶.

Чуть позднее Серов вычеркнул последнюю строчку с фамилиями вождей, чтоб не обижать «других» и вписал просто – «имена товарищей из Президиума ЦК». Но и в таком виде этот фрагмент о Берии не вошел в окончательный текст доклада Серова. В отличие от первоначального варианта в нем вообще довольно скупо говорилось о Берии.

Совещание проходило с 5 по 9 июня 1954 г., в нем приняли участие около 650 человек, включая приглашенных ответственных работников аппарата ЦК КПСС. С почти двухчасовой программной речью на совещании 7 июня выступил Первый секретарь ЦК КПСС Хрущёв. Главной задачей, сказал Хрущёв, «является укрепление социалистической законности и искоренение порочных методов руководства» [1, с. 135]. Речь Первого секретаря была, по обыкновению, образной и эмоциональной. Как вспоминают присутствовавшие в зале, он «свободно оперировал фактами, называл имена руководителей, многие из которых находились в зале, одних хвалил, других безжалостно критиковал...» [там же]. Действительно, Хрущёв построил свое выступление в присущей ему манере, перемежая рассуждения об особой важности чекистской работы с пересказом различных случаев из жизни [12, с. 507–525]. Он подверг разностной критике всех работавших при нем наркомов и министров госбезопасности Украины, за исключением Серова, которого он тут же в зале призывал подтвердить верность сказанного. Бывшего наркома внутренних дел Украины Василия Сергиенко Хрущёв назвал «гнусным человеком» и «головорезом, приближенным к Берии», а министра госбезопасности Сергея Савченко – малопартийным и безыдейным обывателем, ведшим линию на отрыв МГБ от партийного руководства [12, с. 513, 516]. Свой главный пафос Хрущёв направил на неизбежность подчинения органов КГБ партии, сразу заявив, что госбезопасность это – «филиал партии» [12, с. 508]. Хрущёв прошелся по всем руководителям госбезопасности страны – от Ягоды и Ежова до Абакумова и Берии, «попиравших закон», подорвавших доверие к органам, но тут же успокоил присутствующих, сообщив, что «за Берией шли какие-то несколько головорезов», а в основном, чекистский аппарат составляют «честные и преданные» партии люди [12, с. 518]. Выска-

---

6. ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 1. Д. 11. Л. 327.

зав несколько соображений о важности правильной работы с агентурным аппаратом, как всегда приведя примеры из собственного опыта, Хрущёв закончил речь призывом к «дальнейшему улучшению чекистской работы»: чтобы «враг дрожал», а «честные люди были спокойны» [12, с. 525].

Сразу после выступления на совещании Хрущёва слово взял Серов. Он заверил, что КГБ исправит ошибки, допущенные в прошлом, и приложит все силы, чтобы оправдать доверие партии, и тут же выразил свое неподдельное восхищение речью Хрущёва:

«Вы убедились, насколько т. Хрущёв глубоко знает нашу работу и насколько четко, предельно ясно дал указание по агентурно-оперативной работе и по всей работе. Вот что значит человек громадного ума и большой практики. Ведь многие из вас также работают по 10–15 лет, а иной раз скатываются на всякие глупости. Поэтому вы должны четко, ясно продумать, вспомнить все указания, которые были даны т. Хрущёвым»⁷.

И хотя в докладе Серова вполне традиционно говорилось о необходимости вести борьбу с «антисоветчиками» (т.е. предавать суду и подвергать аресту) и ничего не говорилось о внедрении так называемых «профилактических» мер (т.е. морально-психологического воздействия), это слово все же прозвучало. В выступлении начальника 4-го управления (отвечавшего за борьбу с «антисоветскими элементами») КГБ Ф.П. Харитонов говорил:

«В отношении лиц, допускающих несоветские высказывания в силу своей политической малограмотности, а не в силу враждебности к советскому строю, целесообразно проводить профилактические мероприятия, особенно в отношении лиц из числа молодежи и церковников»⁸.

Отвечая на вопросы участников совещания, Серов отреагировал по-своему. Назвав тех, кто пишет анонимные антисоветские письма «подлецами», он призывал действовать решительно: «нужно смело подходить, не только внушать, но и арестовывать», сославшись опять-таки, на авторитет Хрущёва:

«На приеме в честь воссоединения Украины с Россией Никита Сергеевич еще раз выступал перед широким активом, на котором было много беспартийных, он прямо сказал, что в ряде случаев органы госбезопасности должны поспорить с прокуратурой по принципиальным вопросам, а мы их помирим. Дословно я не ручаюсь. Если органы госбезопасности погорячатся где-нибудь, это ничего. Мы их остудим. Прокурор должен остудить»⁹.

Серов призвал не сразу «беседовать или разбираться» с теми, кто пишет антисоветские анонимные письма или воззвания, а выяснять, как они

7. ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 1. Д. 32. Л. 356.

8. Там же. – Л. 100.

9. Там же. – Л. 352.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

настроены в быту, в семье, на работе: «...и у вас будут агентурные данные, что он в быту подлец, на работе подлец и кругом подлец. И тогда у вас будут веские материалы»¹⁰. В конце концов Серов выдвинул простую формулу: «Когда видно, что враг, надо с ним поступать по-вражески»¹¹.

В августе 1954 г. Серов представил в ЦК КПСС проекты Положения о КГБ, о прохождении военной службы в КГБ и постановления о пенсионном обеспечении сотрудников КГБ¹². С точки зрения партийного руководства, проект положения о КГБ был крайне аполитичен. В нем подробно говорилось и о правах КГБ, и о задачах разведки, и о личном составе, но совершенно отсутствовало указание на руководящую роль КПСС. Лишь 20-й пункт проекта не слишком внятно обозначал роль КПСС, да и то, на первом месте шел Совет министров: «Комитет государственной безопасности систематически докладывает Совету Министров и Центральному Комитету Коммунистической Партии Советского Союза о состоянии государственной безопасности в стране и мерах, предпринимаемых Комитетом по пресечению подрывной деятельности разведок капиталистических стран и антисоветских элементов»¹³. Конечно, такой проект Президиум ЦК КПСС с ходу отверг.

Расследование дела Берии и многочисленные материалы о конкретных беззакониях и преступлениях, совершенных чекистами, стали для членов Президиума ЦК откровением. Конечно, они прекрасно знали о ситуации в целом, о сталинских массовых репрессиях, о «расстрельных списках», которые наряду со Сталиным визировались его ближайшими соратниками. Но о многих самых тайных акциях НКВД-МГБ знал только Сталин, и только он их лично санкционировал. Теперь, когда в ходе расследования протоколы допросов Берии и его подручных рассылались Прокуратурой всем членам Президиума ЦК, страшная картина стала открываться подробно и детально. Именно это послужило импульсом к принятию решения о расчистке архивов и уничтожении самых взрывоопасных документов из личной бериевской коллекции.

Председатель КГБ Серов по указанию Хрущёва в июле 1954 г. уничтожил почти весь личный архив Берии и материалы, накопленные при Сталине в общем отделе ЦК [3, с. 356]. Огню были преданы бесценные подборки документов, являвшихся убедительным и ярким свидетельством о людях сталинского окружения и нравах, царивших в верхах. В списках уничтоженных материалов дела-формуляры¹⁴ записи подслушанных разговоров и различные

---

10. ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 1. Д. 32. Л. 353.

11. Там же. – Л. 354.

12. Там же. – Д. 17. Л. 1–20.

13. Там же.

14. Дело-формуляр – агентурное дело, заведенное против конкретного человека.

документальные подборки компрометирующего свойства на Георгия Димитрова, М.М. Кагановича, Полину Жемчужину (восемь томов дела «Осиное гнездо»), Вильгельма Пика, Г.М. Маленкова, А.А. Епишева, М.А. Суслова, М.З. Сабурова, П.Н. Поспелова, М.Г. Первухина, Н.М. Шверника, Н.С. Хрущёва, М.И. Калинина, Н.А. Булганина, К.Е. Ворошилова, А.С. Щербакова и на многих других, т.е. практически на всю кремлевскую верхушку [17, с. 156–158].

В 1954–1955 гг. по указанию руководителей ЦК КПСС было уничтожено большое количество архивных материалов госбезопасности в центральном и периферийных архивах КГБ. Еще 21 ноября 1953 г. в докладной записке МВД Маленкову и Хрущёву сообщалось, что на оперативном учете в МВД состоят 26 млн человек¹⁵, а в центральном архиве хранится более 6 млн дел, в том числе следственные дела, агентурные дела, личные и рабочие дела агентуры, материалы проверки лиц, там же сообщалось, что «находящиеся в архивах и картотеках материалы со времени организации ВЧК не подвергались проверке и расчистке»¹⁶. Руководители МВД предлагали мероприятия «по очистке архивов».

В 1954 г., когда Серов возглавил КГБ, он получил разрешение ЦК КПСС на уничтожение архивных документов. Как вспоминал В.Е. Семичастный, назначенный председателем КГБ в 1961 г., к тому времени «многие документы уже были уничтожены или подчищены...»¹⁷ [11, с. 272]. Рапортуя в ЦК КПСС в начале 1956 г. о проведенном «разборе оперативных документов прошлых лет», Серов вроде бы преследует благую цель: он пишет, что уничтожено документов «на более чем 6 млн советских граждан», с которых «снято пятно политического недоверия»¹⁸. Однако легко представить, как много бесценных исторических документов погибло в огне этой «расчистки».

С марта 1954 по 1 января 1955 г. в КГБ было пересмотрено 1 200 460 дел, в результате снято с оперативного учета 627 216 человек, уничтожено 331 398 дел (из них по центральному аппарату КГБ уничтожено 25 880 дел и снято с оперативного учета 43 032 человека). Кроме того, с августа 1953 по март 1954 г. было снято с оперативного учета 1 140 435 человек. Работа по пересмотру дел оперативного учета велась в координации с Центральной

15. Эта цифра включала и уголовных преступников. Позднее, в материалах КГБ 1954 г. говорилось, что справочная картотека на осужденных политических и уголовных преступников ведется с 1918 г. и насчитывает 28 млн карточек.

16. ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 16. Л. 102–139.

17. Позднее в мемуарах Семичастный почему-то писал, что это были только «документы, компрометирующие Хрущёва» [24, с. 168].

18. ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 3. Д. 37. Л. 359.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

и местной комиссией, организованными по постановлению ЦК КПСС от 4 мая 1954 г. для пересмотра следственных дел осужденных.

В подготовленный в 1954 г. «Перечень документов образующихся в деятельности КГБ и сроков их хранения в архивах» была введена норма временного хранения части материалов в архивах, после чего они подлежали уничтожению. При Сталине такого не было. Тогда существовали правила постоянного хранения практически всех оперативных документов госбезопасности (в том числе дел оперативного учета, личных и рабочих дел агентыры). Сталин, как рачительный хозяин, все держал «про запас», ведь компрометирующие материалы – ценнейшая вещь – всегда могут пригодиться. Преемники Серова в КГБ год за годом суживали номенклатуру дел, подлежащих постоянному хранению. Это привело к уничтожению многих оперативных и даже следственных дел. В конце концов были полностью уничтожены архивные материалы органов госбезопасности районного и городского уровней [17, с. 160].

Все же остается вопрос, отдавал ли Хрущёв команду Серову уничтожить материалы именно о своем участии в репрессиях времен Сталина, как об этом, например, говорит Семичастный? Однозначного ответа нет. С одной стороны, в этом не было уж такой острой необходимости: в 1937–1938 гг. Хрущёв не входил в руководящую «пятерку» и, в отличие от Молотова, Кагановича, Ворошилова¹⁹, его подписей нет на сталинских расстрельных списках²⁰. В эти годы его уделом было санкционирование арестов на уровне Москвы и области, а с января 1938 г. – по Украине. С другой стороны, именно в региональных архивах – Московского УКГБ и Украинского КГБ – могли сохраниться реальные свидетельства об активном участии Хрущёва в массовых репрессиях. Но оба эти архива серьезнейшим образом пострадали в годы войны при эвакуации.

Тем не менее сразу же после смещения Хрущёва новое руководство пошло проторенным путем и дало задание КГБ разыскать документы об участии Хрущёва в репрессиях. Однако менялся курс, и в конце концов считали неблагоприятным вообще педалировать подобные темы. На долгие годы, вплоть до горбачёвской «перестройки», тема массовых репрессий оставалась под запретом. А для разоблачения Хрущёва оказалось достаточно материалов о его внешнеполитической и хозяйственной деятельности. Да и народу это было понятнее – нехватка продовольствия и рост цен – звучало убедительно!

---

19. Кроме них, и конечно самого Сталина, списки подписывали Жданов, Микоян, Ежов и Косиор.

20. См., изданные «Мемориалом», Сталинские расстрельные списки. CD-диск. – М., 2013.

Накануне XX съезда КПСС председатель КГБ сообщал в ЦК КПСС о ходе выполнения еще одной из поставленных перед КГБ задач – кадровой чистки, в ходе которой увольнялись и лишались званий наиболее одиозные бериевцы. В подготовленной к июньскому (1957) пленуму ЦК КПСС справке Серов писал, что уволены 18 тыс., в том числе «более 2300 сотрудников за нарушение советской законности, злоупотребление служебным положением и аморальные поступки». Там же Серов сообщал, что 40 бывших ответственных работников органов госбезопасности были лишены генеральских званий, а из центрального аппарата КГБ были уволены около 2 тыс. сотрудников, из них 48 – являлись начальниками отделов и выше²¹. Подчеркивая значение новой кадровой политики, Серов отмечал: «Заменены почти все руководящие работники главных управлений, управлений и отделов центрального аппарата. На эти должности более 60 человек направлены ЦК КПСС с руководящей партийной и советской работы»²². В то же время общая штатная численность органов госбезопасности в 1953–1955 гг. была сокращена на 52%, т.е. вдвое [19, с. 180].

Было проведено и несколько судебных процессов над бывшими руководящими работниками НКВД-МГБ и следователями-саdistами. О пяти таких состоявшихся процессах было сообщено в печати: по делу Берии и др. (декабрь 1953, Москва), по делу Рюмина (июль 1954, Москва), по делу Абакумова и др. (декабрь 1954, Ленинград), по делу Рапавы, Рухадзе и др. (ноябрь 1955, Тбилиси), по делу Багирова, Борщева и др. (апрель 1956, Баку). Но вообще-то говоря, хрущёвское руководство не было настроено на то, чтобы непременно отправить под суд всех следователей-саdistов. Если оценить итог известных процессов над «бериевцами» за 1953–1959 гг. (а позднее их и вовсе не судили), то на все про все не наберется и сотни осужденных [16, с. 430–436]. А что же остальные? Ведь свирепых следователей-фальсификаторов НКВД-МГБ, доживших до середины 1950-х годов, было не менее нескольких тысяч. И доказать вину большинства из них было делом совсем не сложным, тем более что были еще живы и готовы дать показания их многие жертвы. Не случилось... Метод наведения справедливости был найден тихий: изгоняли с работы из органов по статье «дискредитация» с пониженной пенсией, лишали генеральских званий. Наконец кое-кого исключали из партии, но это из наиболее рьяных и «отличившихся» на попроще пыточного следствия.

21. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 224. Л. 59–60.

22. Там же.

После XX съезда

Произнесенный на XX съезде доклад Хрущёва «О культе личности и его последствиях» буквально потряс весь «социалистический лагерь» и опрокинул систему ценностей сталинской империи. Доклад из первых уст слышали немногие. Он зачитывался на закрытом заседании съезда. Однако текст доклада, размноженный для чтения в парторганизациях и вскоре попавший на Запад, стал первым достоверным и убедительным документом, обличавшим не только преступления самого Сталина, но и всей его системы.

Хрущёв метил в Сталина и его методы, а попал в советский режим, кардинально менять который он вовсе не собирался. Целью его политики являлись лишь коррекция партийной линии, под флагом «возвращения к Ленину», смягчение режима, поворот к народным нуждам, подъем находящегося в глубоком кризисе сельского хозяйства. Он вовсе не желал затрагивать основы, на которых зиждилась советская система – принудительный труд, подавление личных свобод и жесткий идеологический диктат, исключавший любые формы проявления самостоятельного мышления. Но личная деспотия Сталина как раз и была неизбежным следствием этих базисных принципов.

Разоблачение культа Сталина, реабилитация и возвращение репрессированных создали новую политическую обстановку в стране. Процесс, получивший название хрущёвской «оттепели», набирал обороты²³. Люди стали чувствовать себя свободнее и смелее. Политические споры и дискуссии велись порой в опасном для правящей партии ключе. Первым тревожным сигналом стали массовые беспорядки в Тбилиси в марте 1956 г. И хотя они, казалось бы, прошли под лозунгами консервативного неприятия критики Сталина, все же имели явную национальную подоплеку [5, с. 257–264].

Беспокойство у правящей верхушки КПСС вызвали и прозвучавшие в некоторых научных коллективах в ходе обсуждения доклада Хрущёва призывы к демократии и отказу от социалистического пути. А на партсобрании в Теплотехнической лаборатории Академии наук были такие по своей смелости критические высказывания, что ЦК КПСС пришлось 5 апреля 1956 г. принять специальное постановление и одобрить исключение смельчаков из партии [5, с. 288–290].

События в Тбилиси и нарастающее в стране свободомыслие заставили Серова действовать. Не дожидаясь каких-либо указаний сверху, 18 апреля

---

23. Хрущёв не любил этот термин, полагая, что он создает неправильное мнение «о существовании тех принципиальных изменений, которые произошли после смерти Сталина». Он считал, что метеорологический термин, описывающий температурные колебания, не подходит в качестве определения его политики, ибо в природе «трудно предвидеть, как и в каком направлении будет складываться погода» [26, с. 224].

1956 г. он обратился к А.И. Микояну и М.А. Сулову с письмом (№ 984-с), в котором сообщал о проверке работы ряда местных органов КГБ, выявившей слабую организацию агентурно-оперативной работы по борьбе с вражескими элементами. Серов отмечал, что региональные КГБ «проявляют нерешительность в этом деле, объясняя сложностью обстановки на местах»²⁴.

По предложению Серова, следовало разослать на места специальное письмо, проект которого был разработан в аппарате КГБ. В нем говорилось, что в работе местных КГБ «не стало больше порядка», в то время как ЦК КПСС требует от КГБ «умелой организации борьбы с действительными врагами советского государства, совершенствования чекистской работы». Враждебные элементы, говорилось далее, пытаются дискредитировать решения XX съезда, распускают провокационные слухи «для прикрытия своих анти-советских замыслов», пытаются «использовать проводимые партией мероприятия по ликвидации последствий культа личности» в своих целях, вовлекают во враждебную деятельность молодежь и т.д. При этом отмечалось в письме, некоторые оперативные сотрудники «утратили политическую остроту в работе, проявляют растерянность» и вместо привлечения виновных к уголовной ответственности, ограничиваются проведением профилактических мероприятий. В качестве рекомендации указывалось, что КГБ не исключает возможности их применения в отдельных случаях по отношению к лицам, уличенным во враждебных действиях (по несознательности), «но метод профилактики нельзя превращать в основу борьбы с подрывной деятельностью антисоветских элементов»²⁵. С письмом, по соображению Серова, должны были ознакомиться и первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК компартий республик.

Но инициатива Серова получила развитие лишь после того, как события в Венгрии приняли весьма угрожающий характер. На этом фоне и происходящее внутри СССР стало выглядеть более тревожным. 3 ноября 1956 г. Серов направил в ЦК КПСС письмо (№ 2526-с), в котором сообщал, что в Прибалтике и в западных областях Украины «несколько оживилась активность контрреволюционных националистических элементов, особенно за счет лиц, возвратившихся из мест заключения после отбытия наказания»²⁶. В связи с этим Серов просил выделить в распоряжение КГБ мобильные войсковые отряды для наведения порядка «в тех случаях, когда будут возникать отдельные антисоветские проявления». Отряды численностью по 1800–2000 человек каждый Серов планировал разместить в Прибалтике, Украине, Закавказье и других регионах.

24. ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 3. Д. 19. Л. 262.

25. Там же. – Л. 263–270.

26. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 210. Л. 40.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

И, хотя Серов ни словом не обмолвился о необходимости разъяснять что-то местным КГБ, его апрельская инициатива партийной верхушкой не была забыта. Президиум ЦК КПСС 10 ноября 1956 г. принял решение (П54/Х), в котором Серову поручалось сформировать особый полк с дислокацией в Прибалтике. А вот второй пункт этого решения как раз и содержал поручение Н.И. Беляеву, Е.А. Фурцевой, П.Н. Поспелову, П.И. Ивашутину и Р.А. Руденко «на основе обмена мнениями на заседании Президиума ЦК разработать необходимые мероприятия по пресечению имеющих место вылазок антисоветских и вражеских элементов и свои предложения внести в ЦК КПСС»²⁷.

Так был запущен механизм подготовки специального закрытого письма. Но теперь это должно было быть письмо не по линии КГБ, а от имени ЦК КПСС. Неизвестно, каким образом к процессу подготовки письма вдруг подключился Брежнев. Уже 21 ноября 1956 г. в Президиум ЦК КПСС обратились те, кому ранее поручался этот вопрос, но возглавлял список Брежнев, а только потом шли Фурцева, Беляев, Поспелов, Руденко и Ивашутин. Они представили на рассмотрение проект письма ко всем партийным организациям о борьбе с антисоветскими вылазками²⁸. Рассмотрев проект письма и не удовлетворившись его содержанием, Президиум ЦК КПСС 6 декабря 1956 г. вынес решение (П62/Л): поручить комиссии во главе с Брежневым с включением в нее Г.М. Маленкова и А.Б. Аристова на основе обмена мнений разработать проект письма и разработать проект закона о порядке ведения следствия и рассмотрения дел на лиц, ведущих антисоветскую и враждебную работу²⁹. В ходе обсуждения проекта было признано необходимым «усилить его в партийном отношении», а Хрущёв, когда речь зашла об освобожденных из лагерей, заметил: «некоторые не заслуживают» [20, с. 212–213]. В тот же день свои замечания к проекту письма передал в комиссию А.И. Кириченко³⁰.

14 декабря Президиум ЦК КПСС (решение П64/ХЛШ) вновь рассматривал проект письма, принял его за основу, внес поправки и поручил окончательно отредактировать³¹. Наконец, 19 декабря 1956 г. письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» было утверждено Президиумом ЦК КПСС (решение П66/9) и разослано местным парторганизациям [21, с. 208–214]. В итоге преследование людей, высказывающих крайние взгляды,

---

27. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 210. Л. 38.

28. Там же. – Л. 151.

29. Там же. – Л. 149.

30. Там же. – Л. 177–182.

31. Там же. – Д. 211. Л. 1.

было поставлено на поток³². В письме отмечалось, что наиболее подверженными «ревизионистским взглядам» оказались молодежь, студенчество, а также творческая и научная интеллигенция. И вполне традиционно предлагалось обращать внимание на такую категорию граждан, как амнистированные и репрессированные, «особенно из числа бывших троцкистов, правых оппортунистов и буржуазных националистов» [14, с. 54–72]. Структура КГБ чутко среагировала на партийный заказ. В феврале 1957 г. в 4-м Управлении КГБ был специально выделен 7-й отдел с функциями «агентурно-оперативной работы в высших учебных заведениях с целью выявления и пресечения враждебной деятельности, антисоветских элементов из числа молодежи и лиц, оказывающих на нее враждебное влияние» [18, с. 308]. Письмо ЦК и циркуляр Серова, где он перенацелил оперативный состав с профилактики на аресты, привели к тому, что число осужденных за «контрреволюционные преступления» в 1957 г. почти в 4 раза превысило показатели 1956 г.

В мае 1957 г. на встрече с писателями Хрущёв угрожающе заявил, «что, если кто думает сделать так, как в Венгрии, в порошок сотрем» [10, с. 59]. Развивая эту мысль, он пояснил: «ведь началось же с писателей... а надо было бы троечку писателей из клуба писателей Будапешта посадить в тюрьму, ...они бы отсидели, успокоились, и все вошло бы в колею» [13, с. 453]. Серов вполне уловил новую установку, и 1957 год стал рекордным по числу проведенных КГБ арестов. По официальной судебной статистике, за «контрреволюционные преступления», расследованные госбезопасностью, были осуждены: в 1954 г. – 2142 человек, в 1955 – 1069, в 1956 – 623, в 1957 – 2498, в 1958 г. – 1545 человек и, для сравнения, в 1959 г. – 992 человека [4, с. 8].

Вместе с тем следственная работа оставалась «узким» местом. В деятельности КГБ по-прежнему допускалось немало необоснованных арестов. Безотказно срабатывал чекистский инстинкт, выработанный еще в сталинские годы – сначала арестовать, а уж потом разбираться. Назначенного в марте 1955 г. нового начальника Следственного управления КГБ М.П. Малярова председатель КГБ Серов сразу же невзлюбил и всячески третировал. Ему казалось, что Маляров подозрительно часто навещается с докладами в ЦК КПСС и прокуратуру [6, с. 54]. В феврале 1957 г. Серов добился освобождения Малярова от работы в КГБ и перевода в Главную военную прокуратуру.

Маляров в долгу не остался. В ноябре 1957 г., по свежим следам пленума ЦК КПСС, изгнавшего из руководства маршала Жукова, он написал Хрущёву

32. На основании этого письма ЦК КПСС было издано указание КГБ при СМ СССР № 163сс от 29 декабря 1956 г., которое обязывало местные органы госбезопасности «принять меры к усилению агентурно-оперативной работы по выявлению и изъятию организаторов и вдохновителей антисоветской деятельности из числа буржуазных националистов, троцкистов, террористов и других враждебных элементов».

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

о поправлении Серовым в Комитете госбезопасности «принципов коллективного руководства» и стремлении не только сохранить в руководстве комитета, но и повысить в должности и наградить явных «нарушителей социалистической законности». При этом были названы фамилии генерал-майора И.И. Бетина, генерал-лейтенанта П.В. Федотова и полковника Гнеушева. Маляров, однако, осторожно замечал: «Я понимаю, что всех нарушителей закона сейчас, может быть, и не следует наказывать, но убежден также и в том, что нет оснований выдвигать и награждать их...» [6, с. 54]. В заявлении Малярова говорилось о чрезмерном честолюбии Серова и о том, что он проявляет «грубость к подчиненным, администрирование, нетерпимость к критике...» [там же].

И, хотя никаких видимых и ощутимых последствий лично для Серова заявление Малярова не имело, «качество» оперативной и следственной работы постепенно росло. Если в 1956 г. в территориальных органах КГБ как на «необоснованно арестованных» было прекращено 7,35% дел от общего числа заключенных, а 1957 г. – 2,7, то в 1958 г. лишь 1,92% (в абсолютном выражении – на 32 человека)³³.

Менялась обстановка в стране, а с ней и политическая линия в работе КГБ. По мнению Хрущёва, настало время провести более глубокие реформы в КГБ, сократить штаты, кардинально изменить структуру и, наконец, смягчить карательную политику, сделав упор на профилактическую работу, вместо все еще многочисленных арестов. В январе 1959 г. Хрущёв в докладе на XXI съезде изложил этот новый подход: «Нужно предпринять такие меры, которые предупреждали бы, а потом и совершенно исключали появление у отдельных лиц каких-либо проступков, наносящих вред обществу. Главное – это профилактика, воспитательная работа» [2, с. 104].

К этому времени власть в КГБ уже сменилась. После снятия с должности в декабре 1958 г. председателя КГБ Серова его преемником стал партийный выдвиженец Александр Шелепин. Хрущёв верно предположил, что партийный функционер, не связанный карьерой с «органами», будет послушно и безропотно выполнять решения ЦК. Вскоре, выступая перед избирателями в феврале 1959 г., Хрущёв заявил: «Мы и внутренние силы – наши органы государственной безопасности – значительно сократили, да и еще нацеливаемся их сократить...» [25, с. 129]. Мотивировал это Хрущёв уверенностью советского руководства в своем народе. Новый председатель КГБ тут же откликнулся встречными предложениями. В письме в ЦК КПСС 7 апреля 1959 г. Шелепин писал: «Вы, Никита Сергеевич, совершенно правильно говорили в своем выступлении перед избирателями Калининского избирательного округа о необходимости дальнейшего сокращения органов госбезопас-

---

33. ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 789. Л. 26.

ности»³⁴. В своем письме Шелепин сообщал о намеченном сокращении и пересмотре структуры центрального аппарата КГБ. Именно такой председатель КГБ и был нужен Хрущёву! Поговаривали, что Шелепин больше времени проводил в кабинете Первого секретаря ЦК КПСС, чем у себя на Лубянке [15, с. 310].

С 1959 г. вошло в правило публиковать на основе важнейших директивных решений съездов КПСС и пленумов ЦК КПСС по идеологическим вопросам указы и циркуляры КГБ с указаниями о перестройке оперативной работы и том или ином изменении в карательной политике. Так, 15 июля 1959 г. был выпущен приказ КГБ при СМ СССР № 00225 «О задачах органов государственной безопасности в связи с решениями XXI съезда КПСС и Положением о Комитете госбезопасности при СМ СССР и его органах на местах» [18, с. 310]. Приказ констатировал наличие «серьезных недостатков» в контрразведывательной работе, особенно это касалось действий «антисоветских эмигрантских организаций». В приказе четко обозначились новые политические веяния³⁵. Органам КГБ предлагалось проявить больше гласности в работе, крепить «связь с массами», устанавливая «доверительные отношения с гражданами», а агентуру шире использовать для «оказания полезного политического влияния» на людей, «заблуждающихся, политически незрелых, особенно из числа молодежи». О приоритетной роли «профилактики» в приказе говорилось особо: «Учитывая политическую обстановку в стране, великое единение народа вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, органы госбезопасности, наряду с карательными мероприятиями, должны применять больше профилактических, предупредительных мер. Не только наказание и принуждение, но и убеждение должно стать в нынешних условиях одним из главных методов работы органов госбезопасности, и особенно по отношению к молодежи»³⁶. Хоть и не слишком

34. ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 6. Д. 8. Л. 209.

35. Здесь приказ прямо ссылался на цитированные выше слова Н.С. Хрущёва о профилактике, произнесенные на XXI съезде.

36. В приказе говорилось: «При решении вопроса об аресте того или иного человека органы госбезопасности должны исходить не из формальных соображений пресечения преступной деятельности, а всесторонне исследовать существо фактов, обстоятельств и мотивов, побудивших то или иное лицо встать на путь совершения преступления, характер допущенных антисоветских проявлений или антиобщественных действий, их последствия и вред, причиненный этими проявлениями, уровень политического развития лица, допустившего преступление, а также мнение коллектива, который знает это лицо, мнение партийной или общественной организации. Только после такого тщательного анализа следует решать вопрос, надо ли подвергать его аресту. Такой подход даст возможность многих советских людей вместо ареста – предупредить».

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

отчетливо, но уже в этом приказе наметился подход объяснять все крамольные проявления и критику властей со стороны населения влиянием «антисоветских центров», существующих вне Советского Союза. Идеологи КПСС напрочь отрицали наличие в СССР причин для политического и социального недовольства масс.

Новые подходы неизбежно отразились на статистике репрессий, проводимых органами КГБ. В специальной «справке о некоторых причинах преступности среди молодежи» сообщалось, что в 1957 г. в СССР были привлечены к уголовной ответственности за антисоветскую деятельность 506 человек в возрасте до 25 лет, в 1958 г. – 327, а в 1959 г. – арестованы и осуждены лишь 154 человека³⁷. В отчете снижение числа арестов молодых людей напрямую связывалось с «более широким применением профилактических мер». В конце того же 1959 г. было выпущено и специальное «закрытое письмо» ЦК КПСС, в котором в русле новых партийных и идеологических установок подчеркивалась важность «профилактической работы»³⁸.

В 1960 г. произошло дальнейшее сокращение структуры КГБ при СМ СССР. Постановлением Совета Министров СССР № 134-46 от 5 февраля 1960 г. «О внесении изменений в структуру КГБ при СМ СССР и его органов на местах и сокращении их штатной численности» были упразднены 4, 5 и 6 управления, а их функции и кадры переданы в состав 2-го Главного управления КГБ СССР. Кроме этого был понижен статус 3-го Главного управления и Следственного управления, они стали именоваться, соответственно, 3-м Управлением и Следственным отделом. Также был упразднен отдел учебных заведений Управления кадров. В приказе КГБ при СМ СССР № 0026 от 11 февраля 1960 г., объявившем Постановление Совета Министров СССР об изменении структуры, говорилось:

«Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР в 1959 г. проведены значительные мероприятия по упрощению структуры и сокращению численности органов и войск КГБ. Однако в деятельности КГБ при СМ СССР и его органов на местах до настоящего времени еще немало параллелизма и распыленности сил, не изжито стремление обеспечить чекистским наблюдением многие объекты, где по существу нет серьезных интересов с точки зрения обеспечения государственной безопасности. Структура центрального аппарата КГБ и его органов продолжает оставаться громоздкой» [9, с. 159]. В русле хрущёвских установок, далее в приказе говорилось, что изменение структуры учитывает **«исключительно благоприятную внутриполитическую обстановку в нашей стране»** [там же].

---

37. ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 8. Д. 274. Л. 3.

38. Закрытое письмо ЦК КПСС от 5 ноября 1959 г. (РГАНИ).

Эйфория продлилась недолго. После подавления народных волнений в Новочеркасске (1962) начался этап ужесточения идеологического курса. В это время увеличивается штат КГБ и разрастается его структура. Но при всем этом XX съезд КПСС сохранил свое значение как поворотный пункт советской истории.

Литература

1. Бобков Ф.Д. КГБ и власть. – М., 1995. – 384 с.
2. Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. – М., 1959. – Т. 1. – 592 с.
3. Волкогонов Д.А. Семь вождей. – М., 1996. – Кн. 1. – 496 с.
4. Даниэль А.Ю., Рогинский А.Б. Справка о результатах обобщения судебной практики по делам о контрреволюционных преступлениях // Мемориал-Аспект. – Сентябрь 1994. – № 10–11. – С. 8.
5. Доклад Н.С. Хрущёва о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. – М., 2002. – 912 с.
6. Жирнов Е. Великий депортатор // Коммерсантъ ВЛАСТЬ. – М., 2000. – № 49. – 12 декабря. – С. 50–55.
7. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. / Т. 2. Карательная система: Структура и кадры / Отв. ред. и сост. Н.В. Петров. Отв. сост. Н.И. Владимирцев. – М., 2004. – 696 с.
8. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. – М., 1999. – 512 с.
9. Лубянка: ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; авторы-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 2003. – 768 с.
10. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. Под ред. А.Н. Яковлева; сост. Н. Ковалева, А. Коротков, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов. – М., 1998. – 848 с.
11. Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. – Т. 1. – 352 с.
12. Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва / Гл. ред. Н.Г. Томилина. Сост. А.Н. Артизов, Л.А. Величанская, И.В. Казарина, М.Ю. Прокуменщиков (отв. сост.), С.Д. Таванец. – М., 2009. – Т. 1. – 656 с.
13. Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва / Гл. ред. Н.Г. Томилина. Сост. А.Н. Артизов, Л.А. Величанская, И.В. Казарина, М.Ю. Прокуменщиков (отв. сост.), С.Д. Таванец. – М., 2009. – Т. 2. – 880 с.
14. Паповян Е., Паповян А. Участие Верховного Суда СССР в выработке репрессивной политики. 1957–1958 // Корни травы. – М., 1996. – С. 54–72.
15. Пеньковский О.В. Записки из тайника. – М., 2000. – 444 с.
16. Петров Н.В. Суды над работниками НКВД–МГБ // Звенья. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 430–436.
17. Петров Н.В. Первый председатель КГБ Иван Серов. – М., 2005. – 416 с.
18. Петров Н.В. Специальные структуры КГБ по борьбе с инакомыслием в СССР. 1954–1989 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. – М., 2007. – Т. 3. – С. 306–317.
19. Пожаров А.И. «Хрущёвская оттепель» и КГБ // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. – М., 2006. – Т. 1. – С. 178–191.
20. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Гл. ред. А.А. Фурсенко. – М., 2003. – Т. 1. – 1344 с.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

---

21. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Гл. ред. А.А. Фурсенко. – М., 2006. – Т. 2. – 1120 с.
22. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. Сост.: Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. – М., 2000. – 503 с.
23. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 2. Сост.: Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. – М., 2003. – С. 208–214.
24. Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. – М.: ВАГРИУС, 2002. – 461 с.
25. Хрущёв Н.С. Мир без оружия – мир без войн. – М., 1960. – Т. 1. – 512 с.
26. Хрущёв Н.С. Высокое призвание литературы и искусства. – М., 1963. – 248 с.